

Консерватизм и образы апелляции. Между динамическим консерватизмом и сохраняющим прогрессом

Применительно к КПСС 1980-х годов говорили, что там присутствовали все – от анархистов до монархистов. Думаю, что объявление консерватизма неким официальным трендом может привести к чему-то подобному, и будут консерваторы-либералы, консерваторы-консерваторы, консерваторы-националисты, консерваторы-коммунисты – все присягающие консерватизму. Хорошо бы, чтобы это в результате не вылилось в борьбу за истинный консерватизм, как в конце 1980-х годов стали бороться за истинный социализм, после чего он прекратил свое существование. Но что действительно здесь есть? Две проблемы. Первая проблема – это проблема специфики консерватизма как идеологии. Потому что в отличие от трех остальных мировых идеологий он не рисует образ будущего, а исходит от образов, лежащих в прошлом. Это – ослабляющий момент. Второй момент, может быть, усиливающий, во всяком случае, порождающий подобного рода запрос, – это некий посыл на создание партии политиков в эпоху религиозных войн. Тогда часть знати пришла к выводу, что борьба протестантов и католиков – это интересно и увлекательно, но в результате скоро ничего не останется и нужна просто сильная королевская власть. Может быть, это запрос не столько на консерватизм, сколько на идеологию партии политиков.

Большая часть людей, которая говорит о своей интеллектуально-идеологической симпатии к консерватизму, в основном тяготеет не столько к принципам консерватизма как такового, сколько к определенному ряду имен и тезисов, которые можно противопоставить разрушительным тенденциям начала XX века. Впрочем, кто-то считает эти же тенденции созидательными и прогрессивными. В чем проблема конструктивной крепости консерватизма, если из него выстроить некую ось, скрепляющую на ближайшее время страну и ее ментальность? В том, что есть запрос на сохранение. Ведь консерватор, дословно, это охранитель, это сохраняющий. Но консерватизм как идеология оказывается течением, так или иначе возвращающим нас не только к образам исторической действительности, той или иной, но к определенным концептам людей, которые в разное время называли себя консерваторами. С точки зрения задач текущей политики это производит на людей точно такое же впечатление, как попытка сейчас обратить их в христианство, объясняя разницу между иконоборцами, манихеями, арианами и так далее.

Все это увлекательные интеллектуальные игры, которые иногда создают концептуально важную почву, но не всегда имеют непосредственное политическое значение. Но в этих условиях возникает вопрос: что есть conservation, что является образом отсыла? Берем такой образ консерватора современной Российской республики. Должен ли быть культовым образом для консервато-

ра современной Российской республики образ политического деятеля, создавшего Российскую республику и принявшего первую Конституцию в истории России, республиканскую конституцию. С точки зрения формальной логики, безусловно, для консерватора Российской республики главная культовая фигура – это Владимир Ильич Ленин как отец-основатель всего существующего. Для консерватора-патриота должен быть культовой фигурой государственный деятель, выигравший крупнейшую войну в истории страны. Для консерватора-имперца, наверное, должен быть культовой фигурой тот правитель России, во времена которого Россия достигла наивысшего мирового могущества, то есть Леонид Ильич Брежнев.

На примере исключительно XX века и относительно одной политической системы я пытаюсь показать, что из присяги консерватизму можно выделить абсолютно разные концепты политической стратегии и тактики. Не говоря уже о том, что для многих консерваторов Петр – это бесовская фигура, а для других многих консерваторов – фигура культовая. Отсюда возникает вопрос: чьи образы консерватизм будет брать? Можно все это продолжить: для одних консерваторов ценна будет Русь удельная, для других – Русь Ивана Грозного, для одних – Русь соборная XVII века, для других – Петр, для одних, соответственно, Русь предреформенная, для других – пореформенная, для третьих – Русь революционная. И все это будет Русь, и все это будет консерватизм.

Кстати, то, что иногда, на мой взгляд, ошибочно, называют консерватизмом, им вряд ли является. Я в некоторых статьях, да и на первых Бердяевских чтениях выступая, показывал, что цифры, которые дает ВЦИОМ, где получается, что народу нравится консерватизм, – во-первых, можно толковать с точностью до наоборот, а во-вторых, по большому-то счету, для народа запрос на консерватизм сейчас – это, в известной степени, запрос на сохранение путинской эпохи, которую тоже можно рассмотреть очень по-разному.

Консерватизм выстраивает некую линию, противодействующую разрушению. Но в этом своем виде он оказывается недостаточен, для того чтобы решать проблемы. Потому что он намерен решать проблемы исключительно на базе верности базовым ценностям. Но каждый человек имеет право на свои ценности, имеет право жить в соответствии с теми ценностями, которые ему привычны и которые он принимает. Но ценности и традиции очень разные: белая традиция – одна ценность, красная традиция – другая ценность. Сейчас вот уже и Путин заявил о синтезе белого и красного, в случае с Крымом в частности. Но тут проще выстраивать синтез, чем между некими другими вещами.

Поэтому мы можем выделить несколько консерватизмов. Как бывает монархизм личности, и бывает монархизм идеи. С точки зрения монархизма личности, надо быть всегда преданным одному государю, что бы он ни делал, и перетерпеть, если он плохой государь. Просто ему надо доверять. А с точки зрения монархизма идеи, его надо стукнуть золотой табакеркой в висок и поставить более достойного монарха. Кстати, можно ошибиться и поставить еще худшего. Вспомните сцену в «Двадцать лет спустя», когда Атос, безусловный монархист, говорит Раулю: «Всегда будь верен королю, но не путай принцип короля и личность короля. И если придется выбирать, то выбирай всегда принцип, а не личность». И как потом Атос ломает шпагу перед Людовиком XIV, считая, что тот поступает недостойно короля.

Итак, первый консерватизм – это консерватизм идеологических тезисов, верность тезисам, которые когда-то провозгласили те или иные люди, объявившие себя консерваторами.

Второй консерватизм – это стихийная бытовая эмоциональная реакция, то есть нежелание изменений, нежелание расстаться с имеющимся уютом – непонятно, в общем-то, для чего.

Можно выделить третий консерватизм – консерватизм состояний, то есть апеллирующий к тем или иным образам, к исторической действительности в первую очередь. И тут все очень быстро может разбиться на... как в Учредительном собрании, в которое пришло 90% сторонников социализма, а потом Гражданская война развернулась не между советским правительством и Калединым, а между советским правительством и КОМУЧ, то есть, в общем, между двумя социалистическими партиями. Кстати, хочу напомнить, что казнь семьи Николая II – это в значительной степени был пункт, вызвавший мятеж левых эсеров, одно из трех обвинений, брошенных левыми эсерами большевикам: Брестский мир, продразверстка и «не хотят казнить царя». Большевики все выполнили, просто в разные сроки. И надо было расстрелять Николая, потому что подходили войска КОМУЧа, то есть эсеров. Вопрос на самом деле заключался в том, кто первым его расстреляет, кто настоящий революционер. Потому что если бы большевики позволили эсерам расстрелять царя, то обвинение, что они немецкие шпионы, враги и предатели революции, было бы подтверждено. А вот – настоящие революционеры, которые взяли и расстреляли. Таким образом, все на этом уровне даже решалось.

И точно так же антиэнтропийная победа консерватизма при определенном стечении обстоятельств, если это консерватизм образных состояний, может завершиться чем-то таким же – когда, условно говоря, побеждают консерваторы и после этого разгорается гражданская война между тремя ветвями: советские консерваторы, петровские консерваторы и допетровские консерваторы. И так три года от Москвы до Владивостока.

Но другой вопрос – то, что я назвал бы консерватизмом тенденций. Ведь если мы говорим о неких базовых ценностях, более глубоких, чем даже традиции последних столетий, их – для становления исторической самоидентификации России – можно было бы свести, как минимум к трем началам. Это мессианство, радикализм и эгалитаризм. И из этого выстраивается традиция, причем, вытекающая из определенного типа отношений с высшей истиной, тоже родившейся абсолютно не мистически, а в ходе определенного, и духовного, и материального, генезиса древних славян. Из этого вытекают некоторых другие вещи, например, склонность (частично об этом Александр Сергеевич Ципко говорил – сделать невозможное) к глобальным действиям, глобальному социальному цивилизационному созиданию. Это же все вытекает из определенных ментальных отношений с истиной, очень древних, насчитывающих больше тысячи лет, постоянное стремление к созданию некоего идеального мира, постоянное переустройство мира. И если консерватизм опирается на традиции, он должен опираться и на эту традицию революции. Революции не в плане бунта и уничтожения существующего, потому что это неидеалистическая трактовка революции. Революция – это переустройство мира и создание нового на базе старого мира. То есть революция включает в себя всегда элемент консерватизма в этом отношении. Идти вперед, достраивать, все выше и выше. Другие традиции: тяготение к социальной справедливости, что явственно проходит сквозь столетия истории; традиция опережающих мощных рывков, склонность к масштабному созиданию, к прорывам, к строительству будущего, созданию лучшего мира.

Тогда встает вопрос о том, какие выделить этапы, тренды – если говорить о консерватизме тенденций. Условно говоря, наследником каких победных, успешных традиций и технологий успеха должен стать сегодняшний консерватизм, если он претендует не просто на попытку возродить некое прошлое, что никому никогда не удавалось? Если иметь в виду под консерватизмом понимание этого запроса общества на сохранение построенного и достройку, на построение сильной страны и государства. Например, Гагарин традиционно является символом рывка в будущее и, следовательно, символом прогрессизма.

Но можно ли сказать, что он выпадает из символов консерватизма, если рассматривать консерватизм как эффективное движение сегодняшнего дня?

Мне представляется, что подлинный вопрос в формулировании такого сохраняющего вектора заключается в нюансах. Это должно быть что? Это должен быть своего рода динамический консерватизм, для которого первично сохранение прошлого, но по возможности и его развитие и достройка? Или важен, скажем так, сохраняющий прорыв? Они очень похожи, просто акценты разные. Условно говоря, для первого – $\frac{2}{3}$ сохранения и $\frac{1}{3}$ строительства. Для второго – $\frac{1}{3}$ сохранения, $\frac{2}{3}$ строительства. Не потому, что сохраняется меньше, а потому, что достраивается больше.

Ответ на этот вопрос в значительной степени зависит от той ситуации, в которой находится страна. В ситуации 1980-х годов, может быть, было бы достаточно динамического консерватизма. То есть максимум сохранения и поступательно-наступательное движение. В ситуации нынешней, когда очень многое утрачено, что-то удалось сохранить за эти полтора десятилетия, что-то достроить, возникает вопрос о сохраняющем прорыве. То есть, не разрушая сохраненного, даже тогда, когда нам не совсем понятно, зачем оно здесь есть, но просто по принципу Гиппократы – не навреди, – строить будущее, сочетающееся с этим сохраненным. Это выходит на проблему запроса на консерватизм как запроса на понимание идеологии партий и политиков.

М.В. Ремизов. У нас регламент, вы исчерпали лимит на революции. Может быть, в обсуждении отреагируете...

Хочу вкратце прокомментировать. Сергей [С.Ф. Черняховский. – *Ред.*] начал с опасения относительно того, что сейчас все побегут записываться в консерваторы и идейное поле консерватизма приобретет форму полной неразберихи. Но мне кажется, Сергей, вы проиллюстрировали тот тезис опасения, по поводу которого вы высказывались – в том плане, что вы некую революционно-мобилизационную методологию исторического действия тоже закодировали в консервативную терминологию. Что мы будем с этим делать, Леонид Владимирович, сторонник эволюционного консерватизма?

Л.В. Поляков. Я не разделяю этого пессимизма в отношении будущего плюрализма интерпретаций. Наша ответственность – консервативных интеллектуалов или интеллектуальных консерваторов – понять задачи и смысл, условия и обстоятельства, в которых мы существуем, что позволит нам дать ответ на вопрос, что такое должен быть консерватизм и каковы критерии различения правильных и неправильных консерваторов.

Посмотрите на последние сто лет: две попытки самоопределиться русскости – попытка левая социалистическая и попытка, условно, в русской традиции – правая либеральная, очень короткая, 1990-е годы. Но к концу XX века скорости увеличились, потребовалось очень мало времени, чтобы понять, что вот этот формат, этот вариант русской идентичности не работает. Значит, у нас фактически последний шанс. И призвание консерватизма в этой ситуации – отстоять право на самих себя, право самим делать свой выбор. Нельзя же абстрагироваться от очевидного контекста, в котором нам предлагают: ребята, ведите себя так, как мы представляем, кем вы должны быть, мы вас давим персонально, корпоративно, отраслево и будем давить. Вызов понятен. Поэтому для русского либерала здесь ответ очевиден. Мы отстаиваем прежде всего право быть самими собой, теми, кем мы хотим быть. Суверенность в данный момент выступает как абсолютно приоритетная задача. Мы есть мы, и никто нам не вправе говорить, что мы должны делать в

Крыму, Новороссии, на Болотной площади и так далее. Если это понимание есть, если эта определенность есть, то, мне кажется, проблема различения консервативного и неконсервативного в этом лагере условных консерваторов сама собой отпадает. Принимаете эту задачу, причем с учетом прошлых неудач? Левый путь завел в тупик, либерально-правый путь очень быстро привел к обрыву. Собственно, выходов не остается. Очевидно, что утопия конца истории опровергнута самой жизнью. Красивая теория, но прав оказался все-таки Хантингтон. Я возвращаюсь к одному из тезисов своего доклада: столкновение цивилизаций – вот реальность. Столкновение цивилизаций глобально и в каждой цивилизации, в Западе прежде всего и у нас. Поэтому, Сергей, я бы на твой алармистский доклад о консерватизме ответил так. Консерватор – это тот, кто отстаивает свое право быть самим собой и предлагает способы решения глобальных проблем.

А.С. Ципко. Сергей нас всех прекрасно поймал. Нельзя говорить в современной посткоммунистической России о консерватизме вообще. Консерватизм бывает как реакция, консерватизм де Местра – реакция на Французскую революцию. Раз мы говорим о Бердяеве, а не о Победоносцеве, тогда надо говорить о либеральном консерватизме. Кстати, у Бердяева он был прописан хуже. Идеологом либерального консерватизма является Петр Струве. Этот консерватизм начинается с «Вех», это реакция на революцию 1905–1907 годов, прежде всего на русский революционизм, максимализм. Но мировоззрение либерального консерватизма может возникать в разных формах. Вот у поляков нет таких классиков, но после большевистского эксперимента там приходили к власти консерваторы, они формировали свою польскость, искали в Польше все, что было до 1945 года, что осталось ценное. И если мы говорим о консерватизме применительно к нашей исторической ситуации, то есть к ситуации посткоммунистической России, когда реставрировать уже ничего невозможно, то надо сохранить какие-то институты и ценности, на основе которых страна хочет дальше развиваться, учитывая опыт коммунизма. И тогда действительно встает много серьезных проблем. Вот

ты предлагаешь мобилизационную экономику, прорыв и так далее. Но любой честный ученый должен, если он уже занялся анализом проблемы консерватизма и будущего России, всерьез подумать об опыте советского эксперимента, о причинах распада СССР. Здесь хорошо говорили об учебниках истории. Но ведь этот эксперимент не удался именно из-за желания навязать единый советский миф. Не надо мифы навязывать, надо навязывать безусловные истины.

Встает серьезная проблема – на что мы реагируем? Ваш консерватизм, Сергей, может найти союзников. Кое-где у Бердяева есть мессионизм, эгалитаризм, справедливость. И вот эта потребность, как Семен Франк говорил, в переходе через невозможное. Эта традиция была. Но проблема состоит в том, что Франк говорил о том, что Россия и человечество должны, наконец, понять: этот инстинкт саморазрушения должен быть преодолен. А вы желаете на этом инстинкте построить наше будущее.

Мне кажется, если мы будем говорить о консерватизме вообще, то тогда придем к идеям нового прорыва, новой мобилизационной экономики. Вот я начал спустя десять лет впервые читать газету «Завтра». О чем говорят передовые «Завтра»: новый прорыв, мобилизационная экономика, жизнь на минимуме материальных благ, подчинение личного общественному и так далее. Кто-то мечтает загнать постлекрымскую Россию в нечто наподобие конца 1930-х и рассчитывает, что возможно что-то серьезное решить, используя те механизмы, которые удались большевикам, но которые невоспроизводимы. Как невозможна реставрация прошлого, так невозможно после советского эксперимента, в новом глобальном мире применить те механизмы прорыва, которые были использованы в 1930-х. Это утопия.

М.В. Ремизов. Спасибо. На один из ваших вопросов – на что реагирует консерватизм сейчас – есть ответ. На мой взгляд, это на что реагирует консерватизм сейчас. Консерватизм де Местра реагировал на кризис старого порядка. Сейчас консерватизм реагирует на кризис общества Модерна, и распад советского проекта – это лишь один из симптомов кризиса общества Модерна. И точно так же, как реакция на кризис старого порядка была сложной, но

в том числе и продуктивной, то есть реставрация частично удалась, это надо признать. Условно говоря, в том обществе, которое было построено на руинах европейской революции, было очень много стилизованных, реконструированных, воссозданных элементов старой Европы. Такого же рода борьбу за завоевания Модерна, как мне кажется, сейчас могут вести консерваторы в ситуации, когда Модерн подвергается эрозии в лице своих институтов, таких как национальное государство, нуклеарная семья, уже не традиционная патриархальная, но нуклеарная, где есть мужчина, женщина и дети.

И.Е. Дискин. Те, кто изучает теории бизнеса, знают очень важный прием – выбрать себе правильного конкурента. Мне представляется не совсем точно выбирать, что консерватизм – реакция на распад Модерна. Современный консерватизм – это реакция на современную культуру, на культуру Постмодерна. И только при правильном понимании своих оппонентов мы можем выстраивать широкую консервативную коалицию. Для современных слоев и групп значимы национальное государство, нуклеарная семья как продукт Модерна, но нас интересует реакция не на Модерн, а на Постмодерн...

М.В. Ремизов. Я сказал: реакция на кризис Модерна. А Постмодерн – это не более чем симптом кризиса Модерна. Я не считаю Постмодерн самостоятельной платформой. Постмодерн – это просто симптом определенной болезни.

И.Е. Дискин. Вы, конечно, можете не считать, но сами теоретики Постмодерна считают несколько иначе.

М.В. Ремизов. Лиотар «Ситуация Постмодерна». Там нет никакой идеи, что это позитивная платформа. Это ситуация, когда невозможна никакая позитивная платформа, с его точки зрения.

И.Е. Дискин. Вы подхватили то, против чего я хотел возражать. Выстраивается некая консолидирующая позиция Постмодерна, и этому необходимо противопоставить консолидацию консерватизма, на невозможность чего намекал Сергей Феликсович [С.Ф. Черняховский. – *Ред.*]. Это первое.

Второе – вопрос о столкновении цивилизаций. Не надо попадать в ловушку, которую нам навязывают определенные идеологические круги. Эмпирически выстроить цивилизации абсолютно невозможно. Никакой мусульманской цивилизации не существует. Сунниты ненавидят шиитов гораздо больше, чем христиан. Когда социоантропологи читают Хантингтона, ничего кроме хохота у них не возникает. Это эмпирически опровергнутая конструкция. Поэтому задачей консерватизма является выстраивание собственных мифов и борьба с навязываемыми.

С.Ф. Черняховский. В отношении того, что говорил Леонид [Л.В. Поляков. – *Ред.*]: быть за Крым – это не значит быть консерватором. Потому что это подходит для носителя любой адекватной идеологии. Я неоднократно говорил на разных наших собраниях, что сейчас у нас разделение больше не между коммунистами, консерваторами, либералами, а между теми, кто, являясь представителями этих идеологий, считает, что Россия сама должна решать, какая идеология должна победить в конце концов, и теми, кто считает, что это должны решать за ее пределы.